

роткий — всего 77 суток (в Тюмени 109). Много хлебов скосили на корм скоту.

На состояние животноводства отрицательно влияли суровые и длинные зимы. В Тюмени за 10 лет было пять очень холодных, со средней температурой воздуха -15°C и ниже, январей, три февраля и четыре декабря, в Ишиме соответственно — девять, пять и девять. Самые продолжительные зимы — 158–168 суток — отмечались в 1931–1932 гг., 1932–1933 гг., 1933–1934 гг., 1935–1936, 1938–1939 гг. Снег сходил обычно в середине апреля, но в 1930, 1936, 1939 гг. — только в конце первой декады мая из-за возвратных холодов и снегопадов. Холодная весна сопровождалась падежом скота, так как часто уже в марте нечем было его кормить, для него снимали старую солому с крыш, рубили тальник по болотам и поймам рек, запаривали еловую и пихтовую хвою.

Действия воздушных и почвенных засух в земледелии усиливалось еще и тем, что не были разработаны действенные агротехнические приемы для смягчения этого природного явления. Издавна крестьяне имели в своих трехпольных севооборотах паровое поле, на котором сеяли в сухую весну яровые хлеба и получали более высокий урожай. Однако в 1930-е гг. проводилась политика расширения посевов, и потому в колхозах сокращали площади паров.

Поскольку в начале 1930-х гг. пало много лошадей, пахать иной год было не

на ком. Пахали на волах и даже — невиданное дело в Сибири — с 1932 г. на коровах, на них же боронили поля, вывозили с полей урожай. Нередко эти работы выполнялись на женской тяге: в бороны и плуги впрягали женщин. Такого Сибирь тоже не видывала до «колхозной каторги». Обещанных государством тракторов в Зауралье было еще мало, для их обслуживания не хватало трактористов и механиков, качество техники было низкое, и она нередко больше стояла в ремонте, чем работала.

В засушливые годы значительную часть урожая съедали вредные насекомые: земляные блошки, луговой мотылек, сибирская кобылка (сем. саранчевых) и др. Действенных мер борьбы с ними не знали. Поля были сильно засорены. В дождливые периоды сорняки губили посевы, так как невозможно было выйти на прополку, да и людей для этого не хватало.

Английские ученые Г. С. Уиткрофт и Р. У. Девис, изучавшие сельское хозяйство СССР в начале 1930-х гг., считали, что колебания погоды по годам имели важные отрицательные последствия для колхозного строительства, а потому их нельзя упускать из виду при оценке аграрной и политической ситуации в стране в те годы. Сведения, изложенные в нашей статье, вполне подтверждают мнение английских экономистов-историков на примере Зауралья: местная погода очень часто ставила «подножку» планам реконструкции сельского хозяйства.

С. Ю. Шишкина

ПАТРИОТИЗМ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЯХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЗАУРАЛЬЯ)

Война, разразившаяся в Европе в 1914 г., не случайно была названа ее современниками великой. Она породила глобальные изменения в мировой системе и кардинально повлияла на судьбу

России — оказала решающее воздействие на механизмы и формы общественного воспроизводства, определила характер и направленность революционного процесса. Значительное влияние оказала война на массовое сознание и ценностные ориентиры народа. Патриотические настроения оказались неустойчивыми, а в результате неудачного ведения войны повысился уровень социальных противоречий и конфликтности. Это коснулось и регионов, на которые война оказала опосредованное воздействие. К их числу относится и Зауралье, глубокая провинция Российской империи.

Несмотря на то, что тема войны задолго до начала военных действий буквально «витала» в воздухе, первоначальной реакцией общества все-таки был шок. «Слухи о войне показались нам невероятными...», — вспоминал впоследствии член-царской семьи, великий князь Александр Михайлович¹. Что же говорить о Зауралье, далекой провинции, основное население которой больше интересовалось видами на урожай и другими насущными проблемами? Туринский уездный исправник писал в своем рапорте от 4 августа 1914 г.: «В течение истекшего июля месяца настроение населения было спокойное, причем совершенно неожиданно была объявлена мобилизация, и первые дни все как бы не верили в возможность войны»². В Тарский уезд «слух о войне проник... со дня мобилизации 18 июля 1914 г. и в первое время порождал недоумение: с кем война и по каким причинам?»³.

Значительным моментом для роста патриотических чувств и возникновения патриотического движения стало повышение интенсивности этноцентристской пропаганды. В начале войны новый импульс получил национальный миссионеризм. В создании концепций войны не последняя роль принадлежала ее современникам и очевидцам — таким либеральным мыслителям и философам, как П. Н. Милюков, М. Туган-Барановский, Н. Бердяев, С. Булгаков, Е. Трубецкой⁴ и др. Хотя война была империали-

стическая, это, отмечал З. П. Яхимович, не мешало в ходе развернутой с самого начала «психологической» и «информационной» войны всем воюющим странам прибегать к тезису о «защите отечества», обвинять противников в варварских методах ведения войны, убеждать соотечественников и союзников в том, что в случае поражения под угрозой окажутся судьбы как государств, так и народов, более того, судьбы цивилизации и прогресса⁵.

По выражению Н. А. Бердяева, с началом войны «русская национальная мысль» почувствовала «потребность и долг разгадать загадку России, определить ее задачу и место в мире»⁶. Как отмечалось в «Тобольских епархиальных ведомостях» (далее — ТЕВ), война, в которую вступила Россия, «неожиданно для нее поставила во всей

¹ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 209.

² ГУТО ГАТ. Ф.152. Оп. 28. Д. 42. Л. 82.

³ Там же. Ф.417. Оп. 1. Д. 560. Л. 36.

⁴ См.: Чего ждет Россия от войны. Пг., 1915. Бердяев Н. Судьба России. М., 1990; Булгаков С. Война и русское самосознание. М., 1915; Трубецкой Е. Н. Отечественная война и ее духовный смысл. М., 1915.

⁵ Яхимович З. П. 1914–1918 годы: у истоков тоталитаризма и «массовой демократии» // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 225.

⁶ Бердяев Н. А. Душа России // Русская идея. М., 1992. С. 296.

широте вопрос о немецкой гегемонии, о славянстве...»⁷. Это позволило публицистам писать о том, что «народ глубоко исторический, необходимый в семье европейских народов, русские повели борьбу за то, что обеспечивает Европе нормальную жизнь»⁸, что «Россия, вместе с тем, является уже перед лицом всей Европы носительницей великих начал христианской справедливости, гуманности и европейской цивилизации и... опять победоносно несет народам Европы счастье и свободу — иным свободу веры, а иным свободу независимого существования»⁹. Таким образом, миссия России — не только исполнить «возложенную историей» роль арбитра, «третейского судьи» в мировых делах, но и защищать «веру, идеал, религию», быть предтечей духовного очищения мира. Раздвиганию образа врага способствовали многочисленные публикации в прессе под красноречивыми заголовками — «Невероятное зверство германцев», «Христиане ли немцы?», «Германские неистовства», «Люди или звери» и т. д.

Угроза со стороны Германии и объявление ею войны России разбудили инстинкт самосохранения, а необходимость защищать право на существование единокровных и единоверных сербов пробудила чувство справедливости и нашла отражение, в частности, в фольклоре.

*Австрияк спознался с немцем,
Обижают всех славян,
Не дадим славян в обиду
Мы, француз и англичан.
Приказал нам царь Российский
Сестру Сербию спасать,
И пошли мы с австрияком,
Дальше с немцем воевать.*

Указанные «стимулы борьбы» оказались понятны российскому, и сибирскому в частности, простонародью. Это самым выигранным образом отличало начавшуюся мировую войну от японской.

Успеху пропагандистской кампании во многом способствовал повышенный интерес к печатному слову. «Сибирская торговая газета» писала о настроениях в Тюмени в конце августа 1914 г.: «Тема дня во всех слоях общества — это война... Ждут лихорадочно телеграмм, комментируя их в разговорах. В простонародье о войне и ее причинах идут самые фантастические и смешные разговоры, что, конечно, обычное явление»¹⁰. Как отмечалось в «Памятной книжке Тобольской губернии на 1915 г.», «жажда поскорей узнать военные новости, крестьяне в большом количестве собираются в день прихода почты в волостные правления и сельские управы и к грамотным, получающим газету»¹¹. Крестьяне стали выписывать дешевую, а потому доступную для них газету «Копейка», а в городах нарасхват раскупались агентские телеграммы с известиями о победах на Восточном фронте.

Как и по всей России, патриотический подъем в Зауралье выразился в повсеместных молебнах о здравии и долголетию импе-

⁷ Тобольские епархиальные ведомости (далее: ТЕВ). 1914. Оф. отд. № 23. С. 408.

⁸ ТЕВ. 1914. Оф. отд. № 23. С. 403.

⁹ Давыдов Е. Промысел Божий в судьбах России // ТЕВ. 1 февраля 1915. № 5. Неофиц. отд. № 5. С. 66.

¹⁰ Сибирская торговая газета. 1914. 27 августа.

¹¹ Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 17.

ратора и всего царствующего дома, об одержании победы и покорении врагов русскому воинству. Свою преданность русскому государству и народу провозгласили иудеи, мусульмане, католики. Стихийные патриотические манифестации, в которых приняли участие тысячи человек, состоялись в Тобольске, Ишиме, Тюмени, Кургане. Не остались в стороне от выражения верноподданных чувств и остальные города Зауралья. Здесь наблюдалась не просто лояльность к режиму, но всплеск проправительственных настроений. Население с воодушевлением восприняло слова царского манифеста о забвении «внутренних распрей» и об укреплении «тесного единения царя с его народом»¹². Общему воодушевлению, царившему в обществе, вполне соответствовала формула «За веру, царя и Отечество».

Осознание величия момента рождало ощущение сопричастности великим событиям. В октябре 1914 г. Курганская городская дума постановила «послать телеграмму бельгийскому королю с выражением сочувствия граждан Кургана по поводу постигшего разорения немцами Бельгии и послать на имя бельгийского посланника в Петроград 100 руб. на помощь пострадавшим бельгийцам»¹³. Всеобщая поддержка правительства проявлялась в сборе пожертвований на различные нужды, в котором приняли участие практически все слои населения. Купеческое общество Тобольска пожертвовало 1500 руб. на нужды семей запасных чинов и 500 руб. на нужды Красного креста¹⁴, а также 1000 руб. для оборудования кроватей для раненых¹⁵. Не остались в стороне и тюменские купцы и предприниматели. Купцы Колокольниковы предоставили помещение и средства на содержание 50 кроватей для раненых воинов¹⁶, а купец Текутьев неоднократно жертвовал в пользу семей запасных муку¹⁷. Торговый дом «Плотников и сыновья» решил выдавать семьям служащих фирмы, призванных на военную службу, половинное содержание на все время войны, и принял участие в содержании особого санитарно-врачебного отряда¹⁸. Владельцы пароходов внесли на содержание лазарета им. судовладельцев Западной Сибири более 9 тыс. руб.¹⁹. Отчисления из своего жалования сделали чины Ишимской городской и уездной полиции и полицейского управления²⁰. Лишь в первый период войны население городов губернии пожертвовало более ста тыс. руб.²¹ Сборы средств проводились и в деревнях. Крестьяне Ишимского уезда собрали на помощь больным и раненым воинам 35 тыс. руб.,²² Курганского — 9,8 тыс. руб.²³, Тобольского — 2,8 тыс. руб.²⁴. Кроме того, крестьяне организовывали дни самопомощи, помогали в уборке хлебов семьям призванных защитников отечества.

Вместе с тем, патриотический порыв не привел к германофобии. Пропагандистская работа в этом направлении не была достаточно результативной, и потому к патриотическому подъему в начале войны, на наш взгляд, было бы не оправданно относить понятие «шовинистический угар», как это иногда принято²⁵. От-

¹² ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 36. Д. 519. Л. 1.

¹³ Сибирская жизнь. 1914. 31 октября.

¹⁴ Сибирский листок. 1914. 19 августа.

¹⁵ Сибирский листок. 1914. 16 октября.

¹⁶ Сибирский листок. 1914. 4 сентября.

¹⁷ Ермак. 1914. 28 августа; Сибирский листок. 1914. 26 сентября, 21 декабря.

¹⁸ Сибирский листок. 1914. 12 августа.

¹⁹ Сибирский листок. 1915. 19 апреля.

²⁰ Сибирская торговая газета. 1914. 6 сентября.

²¹ ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 560. Л. 5.

²² Там же.

²³ Народная газета. 1915. 10 января.

²⁴ ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 560. Л. 5.

²⁵ См. к примеру: Копылов Д. и др. Тюмень. Свердловск, 1986. С. 121; История Курганской области. Т. 2. Курган, 1996. С. 360.

ношение к лицам немецкой национальности было терпимое, и никаких эксцессов на этой почве не отмечалось ни в 1914 г., ни позже. «Деятельная борьба» для освобождения от немецкого застоя, к которой призывала в частности русско-французская торговая палата²⁶, нашла свое выражение лишь в поисках Северного морского пути, способного связать Зауралье и, прежде всего его земледельческий юг, с Европой, минуя посредничество немцев.

Свою роль в отношении к врагу сыграло и огромное количество военнопленных, размещенных в Зауралье. Уже в 1914 г. в губернию прибыло 23,6 тыс. военнопленных австрийцев и германцев²⁷, а к октябрю 1915 г. пленных в губернии насчитывалось 40 тыс. чел.²⁸ (это составляло 35% общего числа военнопленных в России в тот момент времени)²⁹. Население получило не только резерв рабочих рук, но и непосредственно столкнулось с тем самым противником, о котором знало только из печати.

Особое раздражение вызывали пленные немецкие и мадьярские офицеры, размещенные по преимуществу в Тобольске. Они получали материальную помощь из дома и жили довольно безбедно: на базаре, не торгуясь, покупали продовольствие по любой цене, что содействовало поддержанию цен на более высоком уровне; обзаводились «кошечкой или собачкой для «веселья»; из городской бани сделали «клуб и своеобразное место развлечения». Не случайно «Сибирская торговая газета» в мае 1915 г. приветствовала установление более строгих правил содержания австрийских офицеров, водворенных в Степном крае, «по причине злоупотребления данной им свободой»³⁰.

Пленные славяне воспринимались как «дружественный элемент». В деревне, в силу условий быта и характера труда, население не дистанцировалось от них, пытаясь интегрировать в свою среду. Не случайно департамент полиции в мае 1915 г. своим секретным постановлением призывал не размещать военнопленных по обывательским семьям, а расквартировывать их в особо отведенных домах с сохранением казарменного строя жизни. Но и спустя год после данного постановления от крестьян и нижних чинов Тобольской губернии поступали сообщения о слишком вольной жизни военнопленных: свободно сходятся, гуляют с русской молодежью, пользуются известной долей внимания со стороны женского населения, допускаются к участию в сельских сходах. Чтобы настроить общество на более серьезное отношение к военнопленным, в местной печати постоянно публиковались известия о русских в германском плену, а в 1916 г. для массового распространения предназначалась брошюра об их жизни.

Нельзя не согласиться с мнением известного военного историка Н. Н. Головина о том, что русский патриотизм был «значительно более примитивен», что строение русского патриотизма «было другое, нежели внутреннее строение патриотизма любого из западноевропейских народов»³¹. Русскому патриотизму не хватало осознанности, социальной ответственности, что было проявлением неразвитости институтов гражданского общества. Харак-

²⁶ ГУ ГАТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

²⁷ Обзор Тобольской губернии за 1914 г. Тобольск, 1915. С. 6.

²⁸ ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 44. Д. 511. Л. 272.

²⁹ Мосина И. Г. Некоторые вопросы рабочей политики буржуазии Сибири в годы Первой мировой войны // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири конца XIX века–1918 г. Томск: Изд-во ТГУ, 1976. С. 29.

³⁰ Сибирская торговая газета. 1915. 16 мая.

³¹ Головин Н. Н. Военные усилия России в Первой мировой войне. М., 2001. С. 294.

терным проявлением этого стали волнения запасных чинов, призванных в войска в августе 1914 г., которые сопровождались повальным пьянством, разгромом волостных правлений и винных лавок, избиением сельских старост, десятских, сотских. Шестнадцать таких волнений были зафиксированы в Зауралье.

Показательна в этом отношении и судьба «сухого закона», введенного в начале войны. Это была попытка объединить народ вокруг правительства (власти), заставить его задуматься над смыслом войны. «Отрезвление» России должно было стать определенным общественным идеалом. Однако эффект от введения закона оказался кратковременным: уже в 1915 г. самогонварение (особенно в деревне) приобрело гигантские масштабы. Вот лишь несколько примеров. В с. Князевском Тарского уезда и окрестных поселках с момента закрытия казенных винных лавок тайное винокурение «развилось и приняло ужасающие размеры»³². Здесь использовались не только «бродячие» аппараты, которые принадлежали частным владельцам и перевозились со двора на двор, но и «общественные» аппараты, приобретаемые в складчину целым обществом. В Ялуторовском уезде «местами появилась сильно хмельная «брага», которая под видом домашнего кваса почти открыто распространяется во всех селениях», «любители выпивки за хорошие деньги всегда имеют возможность достать нужное количество вина»³³. По дошедшим до акцизного надзора сведениям, в крестьянских селениях варят и продают опьяняющее пиво с примесью табаку, белены и «дурмана»³⁴. В Низовом крае, по сообщению газеты «Сибирский листок», начиная с Увата, «широко идет выгонка «самосядки» под покровительством властей»³⁵. Крестьяне варили самогон даже вблизи губернского центра, причем использовали не свой домашний хлеб, а приобретаемый в городе.³⁶ Выездной сессии Тобольского окружного суда в Тюкалинске предстояло разобрать в сентябре 1916 г. 44 дела о нарушении акцизных сборов³⁷. Воплощение в жизнь «сухого закона» свидетельствовало об отсутствии социальной осознанности русского патриотизма, что своим важнейшим последствием имело нарушение общественного самоконтроля, которое выражалось, в частности, в уклонении от призыва в действующую армию.

Внимание общества в 1915 – 1916 гг. привлек «новый, позорный тип граждан, всеми мерами и способами старающихся уклониться от исполнения своего долга стать в ряды защитников Отечества»³⁸. Не являлись секретом пути уклонения от воинской службы: устройство на заводы, работающие на оборону, служба почтальонами и кондукторами. Это явление получило такое широкое распространение, что вынудило главный военно-цензурный комитет в ноябре 1916 г. запретить публикации в печати объявлений о найме рабочих с предоставлением отсрочек по мобилизации³⁹. Состоятельные граждане пытались за мзду избежать участия в военных действиях и вообще призыва на действительную службу. Еще в конце 1915 г. призванные в Ишиме на службу рат-

³² Сибирский листок. 1915. 3 мая.

³³ Сибирский листок. 1915. 19 апреля.

³⁴ ГУТО ГАТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 312. Л. 67.

³⁵ Сибирский листок. 1915. 15 мая.

³⁶ Сибирский листок. 1916. 22 сентября.

³⁷ Там же.

³⁸ Ермак. 1916. 18 декабря.

³⁹ ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 28. Д. 111. Л. 98.

ники ополчения обращались к начальнику жандармского управления с жалобой по поводу того, что в армию не призываются представители имущих классов.

Особенно скандальный характер приобрели злоупотребления в этой сфере, а также подкуп и казнокрадство в 35-м сибирском стрелковом полку в г. Тюмени. Для расследования этих злоупотреблений 17 августа 1916 г. в Тюмень прибыла комиссия во главе с председателем Казанского военного окружного суда генерал-лейтенантом Казначеевым. Главное внимание генерала было обращено на выяснение слишком большого состава нестроевой роты, а также лиц, которые благодаря средствам и связям устроились в полку на должностях, избавляющих их от отправки в действующую армию. В результате было установлено, что около 30 состоятельных людей находятся на различных нестроевых должностях в полку⁴⁰. По итогам работы комиссии, ряд офицеров был наказан, отдельные интенданты отправлены в действующую армию, но в целом мало что изменилось⁴¹. Командующий войсками Омского военного округа генерал Н. А. Сухомлинов в оправдание сложившейся практики заявил, что назначения преимущественно на тыловые нестроевые должности более богатых из призванных «делаются в большинстве случаев не ради интересов назначаемых, а потому, что эти лица по грамотности, по умственному развитию и по практическим знаниям являются наиболее пригодными для многих нестроевых должностей»⁴².

Неустойчивость патриотических чувств и настроений привела к тому, что уже после первых военных неудач русских войск осенью 1914 г. начался поиск внутреннего врага, «внутреннего немца» (что стало синонимом). Он, видимо, начался с «дела» командующего 1-й армией генерала П. К. Ренненкампа. Слух о том, что «Ренненкампа предал Самсонова», получил массовое хождение. Материалы военной цензуры показывают, что в армии имели место постоянные слухи о том, что «немцы примазываются к штабам», что помимо Ренненкампа есть и другие генералы-изменники.

Пессимистические настроения фронтовиков передавались в тыл. В июне 1915 г. солдат 137-го Нежинского полка сообщал родным в Тобольской губернии: «...Много легло на покой вечный. ...Гонит нас неприятель необыкновенно. Бог знает, что и будет»⁴³. В августе 1915 г. в Тюмени некий раненый солдат в десятидневном отпуске рассказывал, что якобы видел на одном из петроградских вокзалов железнодорожный поезд с прибывшими с Галицинского фронта русскими генералами, сдавшими немцам Перемышль, Львов, всю Галицию, закованных в цепи по рукам и ногам, с надписями на грудях «Изменники России». Этот слух широко распространился в Тюмени, и особенно среди неграмотного населения⁴⁴. В апреле 1916 г. в губернии ходили «злонамеренные» слухи о взя-

⁴⁰ ГУ ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 245. Л. 70–71.

⁴¹ Наш край в документах и иллюстрациях. С. 541.

⁴² Сибирская торговая газета. 1916. 12 ноября.

⁴³ ГУТО ГАТ. Ф. 335. Оп. 606. Д. 26. Л. 25–26.

⁴⁴ ГУ ГАТО. Ф. 223. Оп. 1. Д. 223. Л. 76.

тии немцами Риги. Они распространились в разных слоях общества и «не могли не производить угнетающего впечатления»⁴⁵. Слухи касались и международной политики. Ходили упорные слухи об обращении императора Вильгельма через Копенгаген к русскому правительству с предложением мира⁴⁶. Очевиден диссонанс между общим духовным подъемом в начале войны и слухами, которые наносили вред, сея смуту в умах населения.

С ростом цен и ухудшающимися условиями жизни было связано и обострение «еврейского вопроса». По слухам, евреи были виноваты в намеренном повышении цен с целью наживы, а «будирующий» элемент возбуждал широкие народные массы к повсеместному еврейскому погрому. В августе 1915 г. начальник штаба Омского военного округа получил циркуляр «О необходимости парализовать вредную деятельность евреев, касающуюся спекулятивной покупки ими хлеба и перевязочных средств, потребных для нужд действующей армии»⁴⁷. Евреев обвиняли в том, что, пользуясь поддельными удостоверениями, они производят закупку хлеба и лошадей в любом районе империи, чем способствуют повышению цен и затрудняют деятельность правительственных чинов.

Чем дольше продолжалась война, тем больше становилось жаль уходящих воевать, как обреченных на гибель. Все чаще начинает звучать мотив желательности расправы с самим царем, как с главным «источником бед» и мучений народа. В образе царя как бы персонифицировалось отношение к войне и власти вообще: неправомерна власть царя, неспособного защитить отечество от неприятеля и народ от невзгод. «Государь Германии Вильгельм лучше бы убил нашего царя, тогда нам лучше было бы жить»⁴⁸. «Вот наш государь весь народ перегубит, — самому бы ему пустил кто пулю в лоб»⁴⁹. «Если государь не дорожит теперь народом, то лесом дорожить нечего»⁵⁰. «Настоящая война устроена государем императором нарочно для того, чтобы меньше было народу...»⁵¹. «Если бы сейчас взяли меня на военную службу, то я бы первый заколол государя, и никакой войны бы не было»⁵². Это высказывания населения, становившиеся предметом многочисленных доносов. Таким образом, к сомнениям в возможности довести войну до победного конца присоединялось «чувство бесполезности тяжелых жертв и лишений, налагаемых на население войною с противником...»⁵³. Как вспоминал Великий князь Александр Михайлович, «с наступлением лета 1916 г. бодрый дух, царивший на нашем... фронте, был разительным контрастом с настроениями тыла»⁵⁴. Даже такое событие, как Брусилловский прорыв, не вызвало выраженной реакции.

Помимо общих причин, на настроение деревни влияли многочисленные реквизиции и взыскания недоимок. Отказ крестьян выплачивать недоимки, а также и текущие сборы становится достаточно широко распространенным явлением. В августе 1915 г. Тобольский губернатор Станкевич получил анонимное письмо, автор которого возмущался: «...Русские люди, рассудите, да рас-

⁴⁵ Ермак. 1916. 27 апреля, 15 мая.

⁴⁶ Народная газета. 1915. 1 августа.

⁴⁷ ЦГВИА. Ф. 1450. Оп. 5. Д. 2. Л. 1.

⁴⁸ ГУТО ГАТ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 316. Л. 28.

⁴⁹ Там же. Л. 391.

⁵⁰ Там же. Л. 174.

⁵¹ ГУ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 212. Д. 3902. Л. 3.

⁵² ГУ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 212. Д. 2523. Л. 6.

⁵³ Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 290.

⁵⁴ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 216.

киньте-ка своим умом, что наделало Ваше правительство со своей войной? Как теперь будете жить, если будете все молчать да покоряться, тогда, пожалуй, с вас кожу снимут, и всю кровь выпьют. Вся война содержится на средства подданных, как натурой, так и деньгами. А правительство... несмотря на народные жертвы, на все только налагает разные акцизы, тарифы и пошлины, что ни возьми, ни к чему приступу нет»⁵⁵. В ноябре 1915 г. крестьянин Нефедов с. Пасьянского Безруковской вол. Ишимского уезда якобы сказал: «Государь поздно хватился изготовлять снаряды, нужно было ему не торговать вином, а готовил бы раньше снаряды, и не накладывать на нас большие налоги за землю, теперь пусть сам налоги платит за солдат, мы не будем за них платить»⁵⁶.

Несмотря на утвержденный императором 24 декабря 1914 г. закон о повышении налогов в 1915 г. (сумма оброчной подати, уплачиваемой крестьянами за пользование казенными и кабинетскими землями, была увеличена на 16%, а поземельная подать, которую уплачивали крестьяне-собственники, — на 100%⁵⁷), сбор налогов не повысился. Напротив, если собранные в 1914 г. казенные и земские сборы принять за 100%, то в 1915 г. было собрано лишь 93%, в 1916 г. — 91% от уровня 1914 г. и 84% от намеченного, в то время как рост недоимок в указанный период составил 33,5 процента⁵⁸. К 1 января 1916 г. недоимки составили 38% от государственной оброчной подати, 125% поземельной и 47% губернского сбора⁵⁹. И это, учитывая повышение налоговых ставок.

Если в августе 1916 г. крестьянский начальник Тюкалинского уезда объяснял «тихое поступление податей» войной и дороговизной жизни⁶⁰, то в конце 1916 г. — «экономической расшатанностью крестьянского благосостояния», а также создавшимся убеждением, что «солдатские семьи освобождаются от платежа каких бы то ни было сборов»⁶¹. О том, что недоимщиками были в основном семьи призванных, сообщали и крестьянские начальники Ишимского, Тарского, Тюменского уездов⁶². Заведующий крестьянским участком Тарского уезда высказывал мнение, что слабое поступление окладных сборов объясняется «не недостатком материальных средств у населения, а намеренным уклонением населения от возлагаемых законом на него обязанностей»⁶³.

Солдатки были убеждены, что с призывом мужей на войну и ослаблением вследствие этого хозяйств они должны быть освобождены, хотя бы временно, от уплаты податей и накопившихся недоимок. Их мнение поддерживали и солдаты. В 1916 г. в некоторых уездах губернии семьи запасных нижних чинов, призванных по мобилизации на действительную военную службу, отказывались от добровольной уплаты причитающихся с них сборов, угрожая, что с возвращением мужей-солдат расправятся с властями. Уволенный в кратковременный отпуск солдат Ефрем Сидоров на сельском сходе во всеуслышание заявил: «Какие сейчас с меня могут быть подати, так как... остались у нас дома старый да малый, так, где же они возьмут деньги. Кончится война,

⁵⁵ ГУТО ГАТ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 103. Л. 3, 4 об.

⁵⁶ ГУ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 212. Д. 3776. Л. 6, 6 об.

⁵⁷ О повышении окладов государственного поземельного налога, а также государственной оброчной и поземельной подати // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 1915. 9 января.

⁵⁸ Обзор Тобольской губернии за 1914 г. С. 18–19; ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 518. Л. 300 об.; Ф. 335. Оп. 607. Д. 114. Л. 9.

⁵⁹ Там же. Ф. 335. Оп. 607. Д. 114.

⁶⁰ Там же. Ф. 335. Оп. 607. Д. 113. Л. 4.

⁶¹ Там же. Ф. 335. Оп. 607. Д. 114. Л. 62.

⁶² Там же. Ф. 335. Оп. 607. Д. 114. Л. 53 об-54, 56, 61.

⁶³ Там же. Ф. 335. Оп. 607. Д. 114. Л. 53 об-54.

и если не будет особой царской милости о прощении с солдат податей, то я беспрекословно уплачу всю накопившуюся за мной недоимку»⁶⁴.

Распространенность этого явления подтверждает и специальный приказ командования Омского военного округа. В нем отмечалось, что «неправильное толкование о податях и других сборах и подстрекательство к неплатежу их вносят смущение и брожение в среду населения и угрожают крайне нежелательными последствиями». Исходя из этого, подчеркивалось в приказе по округу, все случаи «подстрекательства» со стороны отпущенных в отпуск «нижних чинов» будут пресекаемы со всей строгостью закона»⁶⁵. Учитывая возможность беспорядков в деревне, Департамент полиции еще в мае 1915 г. разослал циркулярные письма о том, что «МВД... находит чрезвычайно важным условием сохранения спокойствия в сельском населении замещение должностей волостных старшин, сельских старост... лицами вполне благонадежными»⁶⁶. Однако эти паллиативные меры не могли изменить ситуацию в деревне. Курганский исправник в 1916 г. писал, что крестьяне «год от года смотрят подозрительнее и с недоверием к власти»⁶⁷. В этих условиях введение подоходного налога с 1917 г. явилось запоздавшим решением, не способным восстановить доверие к власти.

В 1915 г. хрупкий внутренний мир был поставлен под угрозу не только неудачами на фронте, но и возрастающими трудностями, связанными с войной. Проблема обеспечения экономики рабочими руками, дороговизна и начавшиеся затруднения в снабжении населения городов продовольствием, поток беженцев, хлынувший из-за Урала, насущная потребность в реорганизации системы местного самоуправления – вот далеко не полный перечень факторов, способствовавших эволюции общественных настроений в сторону усиления критики правительства и его деятельности, неприятия войны и связанных с ней жертв, переходу от патриотического подъема к патриотической тревоге.

Затянувшаяся война способствовала появлению новых настроений в среде либералов. Если областной съезд городов Западной Сибири в апреле 1915 г. показал полную лояльность в отношении правительства, то в условиях изменения обстановки на фронте летом 1915 г. создание военно-промышленных комитетов было воспринято в определенной степени как капитуляция властей. Об этом свидетельствует высказывание лидера тюменских прогрессистов В. И. Колокольникова: «Правительство признало свою несостоятельность и поэтому вынуждено в заготовке вооружения обратиться к широким слоям населения»⁶⁸. Впрочем, имелась и другая точка зрения по этому вопросу. Представитель тюменского отдела совета съездов деятелей средней и мелкой промышленности А. Рылов заявил, что создание военно-промышленных комитетов – это не капитуляция, а признание правительством пользы объединения с обществом⁶⁹. Аналогичным образом повели себя промышленники и купцы Кургана⁷⁰. Роспуск Го-

⁶⁴ ГУТО ГАТ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 316. Л. 377.

⁶⁵ Горюшкин Л. М. и др. Крестьянское движение в Сибири. 1914–1917. Хроника и историография. Новосибирск, 1987. С. 64–65.

⁶⁶ ГУ ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 211.

⁶⁷ Очерки истории Курганской области. Челябинск, 1968. С. 186.

⁶⁸ ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 35. Д. 1274. Л. 5.

⁶⁹ ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 35. Д. 1274. Л. 6.

⁷⁰ Очерки истории Курганской области. С. 182.

сударственной думы в сентябре 1915 г. также вызвал двойное к себе отношение. Одни промышленники, торговцы и представители интеллигенции одобряли действия царя, другие — оппозиционно настроенные — ожидали скорейшего возобновления ее деятельности, чтобы потребовать уступок от царизма и, в частности, введения земства⁷¹.

Со второй половины 1915 г. критика правительства перестала быть чем-то экстраординарным. Она продолжала нарастать, несмотря на запрет обсуждения в периодической печати вопросов о досрочном созыве законодательных учреждений и возможности образования коалиционного правительства⁷². В августе 1915 г. некоторые города Тобольской губернии присоединились к резолюции Московского городского общественного самоуправления, в которой шла речь о неуклонной вере в русскую армию и готовности напрячь все силы для создания условий, обеспечивающих победу: «...Все силы страны, все слои населения должны объединиться в общей напряженной работе, в общем стремлении одолеть врага, забыв все, что не ведет к победе»⁷³. Резолюция завершалась словами, что стоящая перед страной задача требует создания правительства, сильного доверием общества и единодушного, во главе которого должно стоять лицо, которому верит страна⁷⁴.

В августе 1915 г. тюменский либерал П. Рогозинский писал в газете «Ермак»: «...Необходимы единение и доверие. И не только правительство должно верить народу, но и народ должен верить правительству, точнее говоря, правительство должно состоять из лиц, облеченных доверием народа»⁷⁵. Критика правительства звучала и на выборах новой продовольственной комиссии в Тюмени в январе 1916 г. Знаменательным событием для характеристики ситуации в губернии стало обсуждение в декабре 1916 г. доклада гласного Тюменской городской думы Антонова о продовольственном вопросе. Оно вылилось в недовольство безответственностью правительства и заявление о необходимости реформ, опоры власти на широкие слои общества, ликвидации влияния «темных сил». Гласные констатировали потерю правительством доверия населения и постановили уведомить о своей резолюции представителей Государственной думы⁷⁶.

Тема необходимости соглашения «общества» и «власти» нашла свое отражение и в требовании реформ местного управления. Если правительство в годы войны, как и прежде, наиболее приемлемым для Сибири считало централизованное правление (его укреплению должно было способствовать положение о чрезвычайной охране, по которому в Тобольской губернии на период войны объявлялось чрезвычайное положение, а губернатор становился Главным начальствующим), то местная либеральная общественность начинает активно требовать

⁷¹ Рощевский П. И. Тобольская губерния в годы Первой мировой империалистической войны (1914–1917 гг. // Научные труды Тюменского ун-та. 1974. Т. 7. Вопросы истории Западной Сибири. Вып. 1. С. 45.

⁷² ГУ ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 202. Л. 57.

⁷³ ГУ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 80. Л. 4об.

⁷⁴ Там же. Л. 5.

⁷⁵ Ермак. 1915. 26 августа.

⁷⁶ Сибирская торговая газета. 1916. 10 декабря.

перемен, и в частности, реформирования городского управления. Вопрос об изменении городского положения был тем более актуален, что имперские структуры в критической ситуации не имели возможности наладить эффективное управление страной и решить насущный — продовольственный вопрос.

В декабре 1916 г. Тюменская городская дума выступала уже за воплощение в жизнь начал манифеста 17 октября и расширение избирательных прав граждан на основе всеобщего прямого и равного тайного голосования без различия национальности, вероисповедания, пола, ответственное перед народным представительством министерство, полную демократизацию городского самоуправления⁷⁷. В конце 1916 г. Тюменская городская дума заявила: «Лозунг «Все для войны, а потом внутреннее устройство страны», принятый Государственной думой — лозунг неправильный, нужны внутренние реформы»⁷⁸.

По тем же причинам в годы войны усилились и ожидания введения земства в Сибири. Если в Европейской России в период войны разворачивается движение против сословных земств, за демократизацию земских органов⁷⁹, то общественность Сибири сочла бы за демократизацию само лишь учреждение земства. «Народная газета» писала: «Сибирь вступила в эту мировую войну, третью за пятнадцатилетний период, без местного самоуправления, отсутствие которого ощущается в Сибири особенно остро, как никогда. Все несовершенство существующего архаического управления земским хозяйством в Сибири... должно быть ясно для каждого»⁸⁰. В феврале 1916 г. студенты-сибиряки, учащиеся в Москве, обратились к сибирской группе депутатов в Государственной думе с такой петицией: «Война лишней раз показала значение общественной самодеятельности. Там, где работает старая бюрократическая машина, мы до сих пор видим разруху. Сибирь, убеждавшаяся в этом целые десятилетия, еще раз увидела свою бесправность: когда в метрополии земства образовали мощный союз, чтобы наряду с общегосударственными задачами решить и местные, Сибирь не имеет возможности использовать все свои живые силы, чтобы в большей степени облегчить бремя, наложенное войной. Мы, нижеподписавшиеся сибиряки, ...считаем необходимым поставить на обсуждение [в Государственной думе] законопроект о немедленном введении земства в Сибири, организованного на широких демократических началах...». Правление Тобольского землячества в Москве обратилось к Тобольским землячествам в Петрограде, Казани, Томске с предложением присоединиться к данной петиции⁸¹.

Поскольку решение вопроса постоянно откладывалось, в августе 1916 г. Тюменская городская дума единогласно постановила возбудить ходатайство перед правительством о скорейшем введении земства в Тобольской губернии⁸². Обосновывала она свое прошение тем, что за отсутствием земства городу приходится обслуживать интересы и населения уезда (сиропитательные учреждения, больницы, школы и т. д.). Особенно тяжело это сказывается

⁷⁷ ГУ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1047. Л. 25, 25 об.

⁷⁸ Сибирская торговая газета. 1916. 10 декабря.

⁷⁹ Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 49–50.

⁸⁰ Народная газета. 1915. 22 августа.

⁸¹ Сибирский листок. 1916. 3 марта.

⁸² Сибирская торговая газета. 1916. 26 августа.

ся во время войны. «Сибирская деревня в связи с войной заметно пробуждается и предъявляет новые запросы, которые все более и более расширяются, поэтому нужен орган более близкий к населению уезда, каковым и должно явиться земство»⁸³.

Определенное недовольство в период войны появилось и у мусульманского населения. «Для чего нас заставляет мulla молиться богу за царя, коли царь не признает нашего Бога?» – вопрошал инородец Турбинских юрт Тобольской волости Ш. Насреддинов⁸⁴. Противостояние инородцев⁸⁵ и власти выразилось при попытке использовать их труд на оборону государства. Тобольский губернатор Ордовский-Танаевский в июне 1916 г. в обращении к инородцам писал: «Ныне государь император, считая и этих инородцев сынами великой матери России, призывает и их к помощи нашей доблестной армии». Он выразил надежду, что инородцы «откликнутся на призыв обожаемого государя императора, с радостью исполнят его» и «возрадуются, так как ныне... с них снимается невольный упрек сородичей в безучастном отношении к судьбам, переживаемым их отечеством»⁸⁶. Инородцы, однако, возрадоваться не спешили и желания работать в интересах государства не изъявляли, а молодежь, подлежащая призыву, стала пополнять ряды рабочих. Учитывая это обстоятельство, губернатор запретил частным организациям нанимать инородцев призывного возраста для каких бы то ни было целей⁸⁷.

Если в Средней Азии и Степном крае попытки правительства «реквизировать» инородцев вызвали восстания, то в Тобольской губернии сравнительная малочисленность и разрозненность инородцев не привели к организованным формам протеста. В октябре 1916 г. инородцы Сейтовской волости Тобольского уезда направили на имя императора вторичное прошение об освобождении их от реквизиции: «Просим лучше принять военную подать»⁸⁸. С настроениями инородческого населения губернии перекликалось и заявление мусульманской группы в Государственной думе о том, чтобы «свобода, за которую борется наша армия, была предоставлена всем народам, населяющим Российскую империю»⁸⁹.

С затягиванием войны приходило понимание ее бесперспективности, меньше было желание воевать за призрачные цели. Это отразилось и на армии. Если в декабре 1915 г. в Тюменском гарнизоне солдаты из-за рукоприкладства и грубого обращения своих командиров находились на грани бунта⁹⁰, то в 1916 г. на первый план выходят иные мотивы и факторы. В ноябре 1916 г. в Кургане к дверям учебной команды квартирующего в городе 34-го стрелкового полка была приколота записка с воззванием к нижним чинам: «Господа учебная команда и господа студенты. До каких пор нас будут мучить? И так пропали наши братья, и мы пропадем, и семейство наше, а пользы нам не будет никакой. Долой войну, долой немецкое начальство и не мучьте нас, и так наши лета прошли». Полиции выгоднее было расценить это как хулиганскую

⁸³ Сибирская торговая газета. 1916. 28 августа.

⁸⁴ ГУТО ГАТ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 316. Л. 157.

⁸⁵ Здесь не имеются в виду аборигены северных уездов губернии (ханты и манси), также относимые к инородцам, поскольку они не подлежали реквизиции.

⁸⁶ ГУ ГАТО. Ф. 79. Оп. 2. Д. 129. Л. 3.

⁸⁷ Сибирская торговая газета. 1916. 3 августа.

⁸⁸ ГУ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 214. Д. 2. Ч. 62. Л. 8.

⁸⁹ Сибирская торговая газета. 1916. 6 ноября.

⁹⁰ Наш край в документах и иллюстрациях. Свердловск, 1966. С. 485.

выходку⁹¹, нежели признать наличие существования подобных настроений в обществе.

Отсутствие реформ и ухудшение экономического положения в стране, разрыв хозяйственных связей делали практически невозможной поддержку правительства. Еще весной 1916 г. в докладах о настроениях населения Туринский исправник доносил в Тобольск, что «указать хотя бы на одно лицо из принадлежащих к составу правительственных чиновников, на которые бы местная власть и правительство могли в данное время опираться — невозможно, за неимением таковых», что «все люди заражены социальными идеями и переустройством государственного порядка управления, считая себя друзьями народа и врагами правительства»⁹². Курганский исправник сообщал, что опереться правительству и местной власти в городе не на кого, а рабочие «очень опасный элемент», что вполне

положиться за спокойствие при настоящей нервозности населения нельзя, зависит все от момента, поэтому и приходится быть все время на страже»⁹³. Во всех слоях общества Тобольской губернии к концу 1916 г. наблюдалось глухое брожение. В октябре 1916 г. начальник Тобольского губернского жандармского управления сообщал, что население интересуется войной, с нетерпением ожидает мира, но при условии полной победы над врагами⁹⁴. В то же время, оценивая политическую обстановку и настроение масс в Тюмени и уезде, Тобольское губернное жандармское управление в октябре 1916 г. доносило в Петроград: «Настроение жителей Тюменского уезда крайне тревожное и напряженное, могущее выйти в открытое недовольство главным образом благодаря расстройству тыла... Патриотизм населения пал под давлением забот о существовании...»⁹⁵.

Таким образом, важным фактором эволюции общественных настроений стали, конечно, успехи и неудачи ведения войны, что в условиях существования самодержавия неизбежно ассоциировалось с личностью носителя верховной власти. В период войны спад патриотических настроений, рост негативного восприятия мероприятий власти, тревога за судьбы близких привели к снижению уровня толерантности в обществе. На этот процесс повлияло в значительной степени несоответствие этноцентристской пропаганды о величии, могуществе и роли России в мире и той реальной ситуации, которая сложилась на фронте и в тылу. Тревога за судьбы страны вызывала у большинства населения нежелание мириться с внутренними проблемами. Растущая непопулярность войны, разочарование в ее ходе привели к кризису позитивной идентичности и негативному восприятию российской действительности и царского режима. Таким образом, общественные настроения в период Первой мировой войны прошли сложную эволюцию от патриотического подъема к «патриотической тревоге», кризису власти к концу 1916 г. и в конечном счете к ее крушению.

⁹¹ ГУ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 291. Ч. 80. Л. 1–2, б.

⁹² Рощевский П. И. Указ. соч. С. 54.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Рощевский П. И. Указ. соч. С. 54.

⁹⁵ ГУ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 80. Л. 28.